

Золотарев В. П. Яков Михайлович Захер (1893–1963 г.) // Портреты историков. Время и судьбы : в 2 т. Т. 2: Всеобщая история / Акад. исслед. культуры ; отв. ред. Г. Н. Севастьянов и др. М., 2000. С. 334–345.

Колыхалов Д. В. Введение всеобщего обязательного начального обучения в Советской России в 1923–1941 гг. // Палладиум. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://pspa.ucoz.ru/load/0-0-0-10-20> (дата обращения: 30.07.2017).

УДК 94(477.74).084.3/.084.6:930

В. В. Левченко

ГЕНЕРАЦИИ ОДЕССКИХ УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ В УСЛОВИЯХ БОЛЬШЕВИСТСКОГО РЕЖИМА (1917–1930-е гг.): ОТ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ К ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМУ ПОВИНОВАНИЮ

В статье осуществлена попытка исследования отношений большевистского административно-идеологического аппарата и поколений ученых-историков Одессы в условиях становления и развития раннесоветского общества. Выявлены основные формы и методы репрессивной политики большевиков в отношении ученых. Приведены новые, ранее неизвестные факты и документы, возвращены позабытые имена деятелей культуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поколения, ученые-историки, политические репрессии, Одесса, интеллектуальная элита, большевики.

После падения Российской империи в Одессе почти на четверть столетия утвердилась власть большевиков, вплоть до начала немецко-румынской оккупации в 1941 г. выстраивающих новую парадигму отношений (преимущественно враждебных) с научной интеллигенцией. В результате этой политики началась история террора, репрессий, борьбы политического режима с представителями научной корпорации. Недоверие к ученым подчеркивалось в выступлениях государственных и партийных деятелей разных уровней и документах различного характера в течение всего указанного периода. На практике это приводило к массовым чисткам научных организаций и увольнению многих ученых из-за их социального происхождения, гражданской позиции, несогласия с провозглашенными идеями советской власти, а впоследствии и к арестам значительной их части с последующим физическим уничтожением. Становилось нормой изобретение различных мифических организаций, якобы созданных

для проведения контрреволюционной борьбы с действующим политическим режимом в СССР. Все эти действия привели к запугиванию и физическому уничтожению ученых, ликвидации научных школ, искажению идеалов науки и формированию советской генерации ученых в формате тоталитарного государства.

Первые десятилетия послереволюционной жизни народов бывшей Российской империи ознаменовались чередой негативных явлений, среди которых одними из самых разрушительных для науки и общественной морали были непрерывные идеологические кампании советской власти против ученых, которые не поддерживали большевиков и выступали против их догм и идеологических установок. Эти наступления шли волнами: то против сторонников монархических идей, то против тех, кто пассивно поддерживал большевиков, а затем против всех, кто был в оппозиции к советской власти. Фактически эти кампании препятствовали интеллектуальному прогрессу.

Специфика взаимоотношений одесских ученых-историков и советской власти в указанный период была многоуровневой: в общемировом, общегосударственном и региональном измерениях (внешние факторы), и с точки зрения влияния внутренних факторов социально-политической ситуации (полиэтничность, культурная революция, трансформация системы высшего образования, коренизация, репрессии и т. д.). Наиболее серьезно на деятельность ученых-историков влиял сложный перманентный процесс институциональных, структурных и когнитивных изменений в государственно-административной системе управления. На этапе трансформации социально-политических условий необходимо учитывать как обособленное влияние внешних и внутренних факторов, так и их взаимосвязь и взаимообусловленность. В отношениях ученых-историков Одессы с властью в указанный период условно выделяем четыре этапа.

На первом этапе (1917–1922) на фоне революционных событий и усугублявшегося экономического кризиса научная сфера трансформировалась из имперской в самостоятельную локально-региональную. Вышшая школа в УССР находилась в состоянии постоянной реорганизации, следствием чего стала ликвидация университетов в 1920 г. Система исторического образования и исторической науки, сохранявшаяся со времен Российской империи, никоим образом не отвечала запросам советской власти. В первые годы революционных событий (1917–1918) жизнь ученых Одессы не подвергалась репрессивным воздействиям, кроме тех социально-политических и этнокультурных потрясений, которые переживало все общество. Основной причиной разногласий в научном мире были

разные политические симпатии его представителей – от крайне черносотенно-монархических до леворадикальных [см.: Одесский университет..., с. 130–150].

Относительно спокойную жизнь научной интеллигенции взбудоражили большевики, когда пришли к власти в Одессе во второй раз (в апреле-августе 1919 г.). Временное руководство Новороссийским университетом было безосновательно передано Совету революционного студенчества (Ревстуд) [см.: Очерк деятельности..., с. 9]. После этого, начиная с 27 апреля, от выполнения служебных обязанностей незаконно были освобождены ректор, проректор, деканы и временно приостановлены собрания Совета профессоров [см.: Некрасов, с. 296]. В дальнейшем с участием Ревстуда временный комиссар Одесского губернского отдела народного образования, профессор университета историк Е. Н. Щепкин (первый профессор-коммунист в УССР) принял меры к увольнению группы преподавателей, большинство из которых ранее входило в состав черносотенной части Совета университета. Всего к 1 мая 1919 г. из университета отчислили 23 преподавателя. Среди них было четыре представителя историко-филологического факультета: А. П. Доброклонский, А. М. Клитин, И. А. Линниченко и И. М. Малинин, являвшихся носителями правых взглядов на развитие общественно-политической ситуации в стране. Такими радикальными бесправными методами большевистская власть начала бороться с политическими оппонентами из числа научной интеллигенции. На этом история с большевистским «перевоспитанием» профессуры не закончилась. Летом 1919 г. Одесской чрезвычайной комиссией без предъявления обвинения была арестована группа преподавателей университета: А. П. Доброклонский, С. В. Левашов, А. Ф. Маньковский и др. Из числа этой группы наиболее пострадал профессор Левашов (расстрелян большевиками 16 июня 1919 г., похоронен 29 августа 1919 г. усилиями Особенной следственной комиссии Добровольческой армии по расследованию злодеяний большевиков). В мае 1919 г. также безосновательно был арестован выпускник историко-филологического факультета Новороссийского университета, помощник библиотекаря И. И. Дусинский, который был известен своими монархическими взглядами, а в геополитических исследованиях стоял на имперских позициях, развивал панславистские теории [см.: Одесский мартиролог, с. 125–135]. Со временем стало известно, что он был расстрелян без суда. Большевистский террор в Одессе летом 1919 г. можно считать первой волной массовых политических репрессий. В августе 1919 г. Одесса была занята Доброволь-

ческой армией под командованием генерала А. И. Деникина, после чего преследуемые большевиками ученые снова смогли вернуться к работе в университете.

К концу 1919 г. политическая ситуация в Одессе снова изменилась – под натиском Красной армии войска А. И. Деникина отступили. Предвидя установление в городе советской власти, что могло привести к очередным увольнениям, арестам и расстрелам, некоторые ученые решили не искушать судьбу и эмигрировали. С отступающими войсками из Одессы выезжали не только профессора, подвергшиеся притеснениям со стороны большевиков летом 1919 г., но и те, которые понимали, что могут стать потенциальными жертвами «красного террора». Результатом такой политики стала массовая эмиграция интеллигенции в период с ноября 1919 г. до февраля 1920 г. За пределами страны оказались многие ученые-историки: П. М. Бицилли, А. Н. Грабар, А. П. Доброклонский, И. Л. Клаузер, Н. П. Кондаков, Н. Л. Окунев, М. Г. Попруженко, С. В. Троицкий, Г. В. Флоровский, К. В. Флоровская и др. Эмиграция привела к потере и исчезновению с научной карты страны единственной в своем роде научной школы искусствоведения академика Н. П. Кондакова в лице представителей трех поколений (Н. П. Кондаков – Н. Л. Окунев – А. Н. Грабар) [см.: Левченко, 2014, с. 145]. Достижения некоторых одесских ученых-эмигрантов (П. М. Бицилли, А. Н. Грабара, Н. П. Кондакова, Г. В. Флоровского и др.) вошли в золотой фонд русской науки за рубежом и стали мировым достоянием.

С 1920 г. начался принципиально новый этап в отношениях одесских ученых и власти. В первые годы большевистского правления были предприняты шаги к разрушению существующей системы высшего образования, открытию доступа в вузы рабочей и крестьянской молодежи. Силы структуры большевиков прикладывали усилия к удалению из научного сообщества «неблагонадежных», открыто высказывавших свои взгляды относительно политических событий и не собиравшихся подчиняться существующим порядкам.

Второй этап (1922–1928) обусловлен перестройкой высшей школы на национальной основе. В целом, «по сравнению с предыдущими имперскими и последующими сталинскими временами 1920-е гг. были благоприятными для деятельности ученых-историков» [Водотика, с. 13], но и на этом переходном этапе власть не забывала контролировать их политические взгляды. В процессе утверждения советской власти в начале 1920-х гг. большевистские лидеры выбрали путь подавления инакомыслия в любом его проявлении. Основной удар приняли на себя пред-

ставители гуманитарной интеллигенции. С налаживанием системы подготовки социалистических научных кадров имело место постепенное вытеснение представителей дореволюционной генерации ученых (все-го в истории развития исторической науки в Одессе выделяем девять поколений ученых-историков [см.: Левченко, 2016, с. 265]). Одной из «мягких» форм их «перевоспитания» были увольнения, запрет заниматься научно-исследовательской деятельностью, организовывать научные общества, публиковать труды. Со временем большевистское руководство использовало более грубые, негуманные и неправомерные формы воздействия по отношению к научной интеллигенции. В 1922 г. из Одессы и из других советских городов за границу или в отдаленные районы страны были высланы десятки представителей интеллектуальной элиты, в числе которых был одесский историк А. В. Флоровский [см.: Левченко, 2008, с. 165]. Эти события можно квалифицировать как вторую волну репрессий.

Организационные мероприятия 1920-х гг. можно разделить на две группы. С одной стороны, разрушались «старые» научные учреждения и вытеснялись «старые» историки, а с другой, открывались коммунистические научные центры и резко сокращалось финансирование научных исследований, не соответствующих правящей идеологии. В короткий срок в СССР были открыты Истпарт (1922), Коммунистический университет имени Артема (1922–1938), Украинский институт марксизма-ленинизма (1922–1931), Институт красной профессуры (1932–1937), Всеукраинская ассоциация марксистско-ленинских научно-исследовательских институтов (1931–1936) и т. д. [см.: Комаренко, с. 60–75, 106–123]. Постепенное превращение науки в арену идеологической борьбы, направленной на построение общества социалистической формации, привело к массовой замене профессиональных кадров дореволюционной генерации в научно-исследовательских институтах и вузах менее квалифицированными сотрудниками нового поколения, многие из которых не имели представления об исследовательской работе. Все это имело следствием серьезные негативные последствия для науки, значительное снижение качества исследований.

Третий этап (1928–1934) характеризуется продолжением реорганизации высшей школы Одессы, возрождением классического университета и влиянием конъюнктурных политических реалий на проведение научной работы. Тематика и содержание научных исследований все теснее связывались с большевистской идеологией, деятельность ученых сопровождалась усилением административного давления и контроля. Социальное происхождение и политическая благонадежность становились

определяющими факторами в оценке профессиональной квалификации. В такой атмосфере советское руководство безжалостно расправлялось с проявлениями свободомыслия.

В конце 1920-х гг. в условиях утверждения тоталитаризма усилилось репрессивное давление на представителей образования и науки. Подозрения, клевета, обвинения, аресты и постоянный контроль со стороны власти стали неотъемлемой частью жизни многих преподавателей и ученых, особенно дореволюционной генерации. Об этом свидетельствуют, например, «Характеристики на служащих Одесского института народного хозяйства», подготовленные политкомиссаром вуза за период с 15 января по 18 октября 1930 г. (подобные характеристики каждый вуз ежегодно посылал в Тайную часть Окружного отдела народного образования): «Слабченко М. Е. – ...национальную линию считает неудовлетворительной для Украины... Курс лекций не марксистский. Покровский А. И. – ...идеологически чужой. Соколов Н. А. – ...с методической стороны не удовлетворяет слушателей, поэтому с работы снимается» [ГАОО, ф. Р-129, оп. 3, д. 10, л. 2–13; д. 7, л. 36–37]. Вследствие этого научно-педагогической интеллигенции оказывалось все труднее оставаться в стороне от политики. В истории высшей школы 1930 г. стал годом изгнания профессоров «старой школы». 1 января 1930 г. был уволен профессор М. И. Мандес, который «...своим не марксистским преподаванием не удовлетворяет студенчества и современности», а с 14 мая того же года с должности профессора уволили Б. В. Варнеке [см.: Левченко, 2010, с. 206].

Преследования и притеснения национально ориентированных историков в УССР активизировались в 1929–1931 гг., когда были арестованы и осуждены десятки ученых. Весной 1930 г. состоялся открытый процесс по делу Союза освобождения Украины во главе с вице-президентом Всеукраинской академии наук С. А. Ефремовым. Кроме него, на скамье подсудимых оказались 45 человек, среди которых были одесские ученые-историки М. Е. и Т. М. Слабченко. Показательный процесс по сфабрикованному делу СОУ нанес тяжелый удар по представителям научной интеллигенции. В этот период были арестованы и другие ученые-историки Одессы: В. Я. Герасименко, Е. А. Загоровский, А. В. Музычка, Э. Г. Оксман и др. [см.: Левченко, 2007, с. 244–255]. После многочисленных мытарств для уцелевших в ходе репрессий ученых вводились ограничения на научно-педагогическую работу. В 1930–1931 гг. в Одессе в результате третьей волны репрессий прекратили функционировать все научные и просветительские общества.

Во время четвертого этапа (1934–1941) процесс централизации управления исторической наукой нарастал и был закреплен в 1937 г. в «Кратком курсе истории ВКП(б)», ставшем методологической основой для историков раннесоветской генерации. Одной из форм репрессий стал запрет заниматься научной деятельностью, преподавать и даже печататься. Подготовленные к печати рукописи книг и статей, а также опубликованные ранее книги репрессированных авторов изымались из библиотек. В первые годы существования Одесского университета его партийное руководство еще не имело возможности обходиться без услуг преподавательского состава досоветской высшей школы, но стремилось как можно быстрее заменить их новыми пролетарскими кадрами. Преподавателям вменялось в вину их «буржуазное» прошлое, участие в процессах украинизации, навешивались различные политические ярлыки и постоянно подчеркивалась необходимость следить за их работой в университете. Результатом этих действий стали репрессии второй половины 1930-х гг.

В период Большого террора 1936–1938 гг. репрессии на основании сфабрикованных обвинений в очередной раз коснулись ученых-историков Одессы. По советскому законодательству ученых во время судебных процессов осуждали по статьям, которые касались «контрреволюционных преступлений». В это время большевистская фильтрация привела к физическому истреблению 11 историков, еще 22 историка были приговорены к различным срокам (от 3 до 10 лет), а десятки их коллег были арестованы и месяцами находились под следствием. В 1950-е и 1980–1990-е гг., разбирая дела осужденных в 1930-х гг. ученых, следователи, помимо сомнительных признаний, не нашли достоверных доказательств их вины. Удивляет и топорная работа чекистов, которые даже не заботились о внешней правдоподобности дел.

Сталинские кампании в борьбе с учеными-историками ломали научную судьбу не только их жертв и обличителей. В разной степени были искалечены судьбы всех историков, оказавшихся в водовороте тех событий. Страх совершить ошибку, быть обвиненным за прошлые политические взгляды заразил историков. Нередко именно страх, а не следование фактам определял научные взгляды и дальнейшую карьеру. Тогда же был ликвидирован относительный организационный плюрализм научных учреждений: Украинская ассоциация марксистско-ленинских научно-исследовательских институтов в 1936 г. была объединена в Отделение общественных наук АН УССР. В том же году был создан Институт истории

Украины АН УССР. Таким образом, по мере усиления советской системы власти негативные аспекты государственной политики в отношении научной интеллигенции выдвигались на первый план. Под предлогом обострения борьбы с «классово чуждыми» элементами уничтожался интеллектуальный и культурный потенциал страны.

Водотика С. Г. Исторична наука УСРР 1920-х років: соціополітичні, науково-організаційні та концептуальні основи функціонування : автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Київ, 2001.

Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. Р-129 (Одесский институт народного хозяйства (Инархоз) Народного комиссариата просвещения УССР).

Комаренко Н. В. Установи історичної науки в Українській РСР (1917–1937 рр.). Київ, 1973.

Левченко В. В. Організаційно-дослідницька діяльність вчених Одеси в наукових установах Всеукраїнської Академії наук // Зап. іст. фак. Одеса, 2007. Вип. 18. С. 244–255.

Левченко В. В. Одесские ученые – пассажиры «философского парохода»: к истории высылки интеллигенции в 1922 г. // Юго-Запад. Одессика. Одесса, 2008. Вип. 5. С. 162–182.

Левченко В. В. Історія Одеського інституту народної освіти (1920–1930 рр.) : позитивний досвід невдалого експерименту. Одеса, 2010.

Левченко В. В. Одесские ученые в условиях русской эмиграции первой волны: пути, адаптация, судьбы // Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова. М., 2014. С. 139–156.

Левченко В. В. Генерации историков в научном сообществе Одессы: терминология, периодизация, история // *Studia internationalia* : материалы V междунар. науч. конф. «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.» (1–3 июля 2016 г.). Брянск, 2016. С. 262–266.

Некрасов П. А. Із історії Одеського університету (1917–1920) // Праці ОДУ. Т. 147. Одеса, 1957. Вип. 2 (Сер. сусп. наук).

Одеський мартиролог : Дані про репресованих Одеси і Одеської області за роки радянської влади / Уклад.: Л. В. Ковальчук, Г. О. Разумов. Одеса, 2005. Т. 3. С. 125–135.

Одесский университет за 75 лет (1865–1940). Одесса, 1940.

Очерк деятельности Одесского Скувза // Высшая школа. 1920. № 1. С. 9–11.